

КНИГА ОСЕННИХ ГОЛОСОВ

Илья Бондаренко, Ольга Челю-
етников, Виктор Цебер-
янова, Ирина Шумина,
м Домченко, Игорь Иван-
ичева), Татьяна Богдан-
рчиков, Анатолий Ларио-
а Челюканова, Анатолий
ерябов, Елена Тикунова,
на, Виктор Балдоржиев,

Анатолий Ларионов, Инесса Ганкина, Рита Му-
ва, Анатолий Пискунов, Валентина Беляева, Ле-
Тикунова, Ди Огре (Михаил Кочкин), Елена Пор-
ев, Тимур Адамасов (Владимир Дубчак), Артем
рана, Мелания Комелькова (Алевтина Ухличева),
Александра Василяева, Александр Перчиков,
Мурашова, Илья Бондаренко, Ольга Челюканова,

Илья Бондаренко, Ольга Челю-
етников, Виктор Цебер-
янова, Ирина Шумина,
м Домченко, Игорь Иван-
ичева), Татьяна Богдан-
рчиков, Анатолий Ларио-
а Челюканова, Анатолий
ерябов, Елена Тикунова,
на, Виктор Балдоржиев,

Анатолий Ларионов, Инесса Ганкина, Рита Му-
ва, Анатолий Пискунов, Валентина Беляева, Ле-
Тикунова, Ди Огре (Михаил Кочкин), Елена Пор-
ев, Тимур Адамасов (Владимир Дубчак), Артем
рана, Мелания Комелькова (Алевтина Ухличева),
Александра Василяева, Александр Перчиков,
Мурашова, Илья Бондаренко, Ольга Челюканова,

Илья Бондаренко, Ольга Челю-
етников, Виктор Цебер-
янова, Ирина Шумина,
м Домченко, Игорь Иван-
ичева), Татьяна Богдан-
рчиков, Анатолий Ларио-
а Челюканова, Анатолий
ерябов, Елена Тикунова,
на, Виктор Балдоржиев,

Анатолий Ларионов, Инесса Ганкина, Рита Му-
ва, Анатолий Пискунов, Валентина Беляева, Ле-
Тикунова, Ди Огре (Михаил Кочкин), Елена Пор-
ев, Тимур Адамасов (Владимир Дубчак), Артем
рана, Мелания Комелькова (Алевтина Ухличева),
Александра Василяева, Александр Перчиков,
Мурашова, Илья Бондаренко, Ольга Челюканова,

Анатолий Ларионов, Инесса Ганкина, Рита Му-
ва, Анатолий Пискунов, Валентина Беляева, Ле-
Тикунова, Ди Огре (Михаил Кочкин), Елена Пор-
ев, Тимур Адамасов (Владимир Дубчак), Артем
рана, Мелания Комелькова (Алевтина Ухличева),
Александра Василяева, Александр Перчиков,
Мурашова, Илья Бондаренко, Ольга Челюканова,

Илья Бондаренко, Ольга Челю-
етников, Виктор Цебер-
янова, Ирина Шумина,
м Домченко, Игорь Иван-
ичева), Татьяна Богдан-
рчиков, Анатолий Ларио-
а Челюканова, Анатолий
ерябов, Елена Тикунова,
на, Виктор Балдоржиев,

СКИФИЯ

Антология
Анна Теркель
Книга осенних голосов
Серия «Антология Живой
Литературы (АЖЛ)», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24720867

Книга осенних голосов : антология поэзии. / Ред.-сост. Анна Теркель.:

Скифия ; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-00025-070-9

Аннотация

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира.

Содержание

Дорогой читатель!	8
Звериный язык	10
Звериный язык	14
Чужая зима	15
Мной	17
Онкология: Зеленая балерина	19
Casual Story	21
Вождя заказали	23
Пасха	26
Закрывать глаза	29
Будда и червячок	31
Время	33
Попытка Сэлинджера	35
Синдром фатальной обреченности	37
Только я не лечусь...	39
Аусвайс	40
Двенадцать	41
За пять шагов до Луны	43
Докажи	44
Нукке	46
Рецидив	47
Звездочет	48
Антидот	49

Теряя вечность в твоём лице...	50
Шифротекст. Мама звонит в «03»	52
Лето – самое время начать летать	53
Двустоличное	54
Мне говорили	55
Бонни и Клайд	57
Я хочу видеть море	58
Зачарованный странник Осень	59
Под сурдинку	61
Слуги кармы	62
Rapillon	64
Что просить у небес?	65
Амок	67
И везет меня поезд во мглу...	69
«Чудесный вечер, плачущий закат...»	72
«Среди трех времен и среди пяти огней...»	74
«...Ароматы любви!..»	76
«Стой, мой ангел! Куда ты пошла?..»	77
«Мои осенние тревоги...»	79
«...Дым взлетает и гонит золу...»	85
Размышления над учебником истории	88
Из книги «Пена Эгейского моря»	90
1	93
2	94
3	95
4	96

Конец ознакомительного фрагмента.

**Книга осенних голосов:
антология поэзии
Редактор-составитель
Анна Теркель**

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году
Том 4

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой прозы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки принимаются по адресу skifiabook@mail.ru.

Подробности конкурса: издательский сайт www.skifiabook.ru.

При оформлении обложки использована работа Людмилы Костюковской

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Дорогой читатель!

Этой книгой мы продолжаем поэтическую серию «Антология Живой Литературы» (АЖЛ). Серия называется так неспроста: ведь каждое литературное произведение, будь то рассказ, повесть или стихотворение, вмещает в себя бездну пережитых автором ощущений, событий и эмоций. Именно из этого на самом деле состоит жизнь, если отбросить все те бытовые мелочи, которые неизбежно присутствуют в каждом нашем дне, но отнюдь не являются тем, зачем мы вообще оказались на этом свете.

Стихотворение – это своего рода квинтэссенция пережитых эмоций, карта сплетения жизненных путей длиной, быть может, во много лет. В стихотворении, умещенном на одной странице, зачастую больше жизни, чем в иных годах человеческого существования.

Мы желаем каждому читателю найти под этой обложкой те самые стихотворения, которые помогут не забыть в трудную минуту о том, что в каждом из нас есть настоящие, сильные чувства, ради которых, быть может, мы и живем.

Редактор тома

Анна Теркель

P.S. Если у вас есть желание предложить свои произведения – мы будем рады. Просто вышлите свои работы вместе с

небольшим рассказом о себе по электронному адресу нашего издательства: skifiabook@mail.ru с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы». Мы обязательно рассмотрим ваше предложение и ответим вам.

**Звериный язык
Евгения Бильченко.
Украина, г. Киев**

Об авторе:

Поэт, прозаик, переводчик. Философ, культуролог, религиовед. Профессор кафедры культурологии Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Киев). Публиковалась в украинских и российских журналах, автор нескольких книг.

Победитель Всеукраинского литературного конкурса «Витоки» (Острог, 2009) в номинации «Поезія» (1-е место), Всеукраинского литературного фестиваля «Краснодонские горизонты» (Краснодон, 2009) в номинации «Рубленое мясо поэзии», литературного конкурса в рамках Всеукраинского литературного фестиваля «Пушкинское кольцо» (Черкассы, 2010; 3-е место), Турнира поэтов «Летающая крыша» в рамках Всеукраинского литературного фестиваля «Пушкинское кольцо» (Черкассы, 2010; 2-е место), Всеукраинского фестиваля поэзии «Підкова Пегаса» (Винница, 2012 – лауреатство; Винница, 2012 – гран-при), Международного литературного фестиваля имени Н. Хаткиной «Cambala» (Донецк, 2010; 1-е место), Всеукраинского литературного конкурса «Малахитовый носорог» (Винница, 2010; 3 место),

Международного литературного конкурса «Согласование времен» (Франкфурт-на-Майне, 2010) в номинации «Поэзия» (2 место и звание «Золотой автор»), слэма в рамках Всеукраинского поэтического фестиваля «Ан Т-Р-Акт: СЕРЕБРЯНОЕ ВЕКО» (Херсон, 2011; 1-е место), Всеукраин-

ского открытого фестиваля поэзии «АВАЛГард» (Харьков, 2012; гран – при), Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (Николаев, 2012; 2-е место).

Член жюри международных фестивалей поэзии: Гриновского фестиваля «Алые паруса» (Одесса, 2010), «Ан Т-Р-Акт» (Херсон, 2013), «Ветер поэзии» (Киев, 2012–2013), «АВАЛГард» (Харьков, 2013), «Одна маленькая свеча» (Киев, 2012–2013).

С целью сохранения творческой свободы сознательно отказалась от членства во всех государственных и общественных литературных организациях.

© Бильченко Е., 2015

Звериный язык

Я поэт, но мечтаю, чтобы язык исчез,
Потому что на самом деле слова – заслон.
Пусть тебе на заре приснится гренландский лес,
Где у самки оленя вырос индийский слон.

Потому что на самом деле не надо стен,
Чтобы сердце в конце пути обрело приют.
Видишь, как розовеет сакура в стиле дзен,
А над ней по-славянски колокола поют?

Вне широт и меридианов меня несет
По какой-то другой системе координат.
С языком я умею делать, ей-богу, все:
Только Истина все равно остается над.

И поэтому надо сбросить горбатый груз,
Чтобы шли пилигримы с воздухом в рюкзаке,
А прохожие кошки пели собачий блюз
На старинном зверином ангельском языке.

Чужая зима

Зима. Как половники в каше рисовой,
Из снега таращатся новостройки.
А наша химичка Нинель Борисовна
Сегодня не в духе и ставит двойки.

Вот в класс она входит, свирепо фыркая.
Вот мел проверяет с улыбкой монстра...
И мы наклоняемся над пробирками,
В кулак зажимая остатки мозга.

Отличницы парятся, клуши клушами:
Потеют ладошки, дрожат коленки.
А мне – фиолетово. Я подслушивал
В учительской комнате возле стенки:

Уткнувшись подруге в жакетик плисовый,
Она причитала у самой двери.
Я знаю, что муж у Нинель Борисовны —
Известный художник и ей не верен.

Что пишет в эстетике сюр пейзажи он,
Что год уже спит с поэтессой-сухой;
Что скоро ее похоронят заживо
Под газовой плиткой с кастрюлькой супа!

Потом, выходя отвечать задачку ей
В безвыходной ауре общей комы,
Я крикнул, чернильной тоской испачканный:
«Решали бы лучше проблемы дома!»

Девчонка прищелкнула ногтем лаковым.
Проснулся придурок с последней парты.
Нинель покачнулась и вдруг заплакала,
Забыв о приличиях и стандартах...

Шли годы, как пошлый сюжет блокбастера.
По жизни скакали козлы и козы.
Художник тот спился. А Муза Мастера
Скончалась в притоне от передоза.

Но зимы красивы у нас немислимо,
И так же морозы крепки и стойки!

Седая, как выюга, Нинель Борисовна
Считает снежинки и ставит двойки.

Мной

Светятся звезды во мгле кипарисовой,
Тычась лучами в лопатки палаток, —
Поговори со мной, поговори со мной:
Мне от молчания хочется плакать.

Лето закончится, как революция, —
Будет октябрь пламенеть диктатурой, —
Поговори со мной, друг мой возлюбленный,
Выпрямив речь, как хребет у сутулых.

Вместе с поэтом уходит традиция
На Берковцы, Новодевичье, Волчье, —
Поговори со мной, брат мой единственный:
Там, под землей, – колокольчики звонче.

Здесь же у власти – асфальтные демоны —
Мелкие бесы пластмассовой музыки, —
Поговори со мной, сын недоделанный,
Между арт-клубом, общагой и вузом.

Наши пути до Кронштадта не пройдены,
Не пережиты казанские ночи, —
Поговори со мной, девочка Родина:
Ты же – не сука, а глупый щеночек,

Правое не отличивший от левого
На чертежах мирового порядка...
Поговори со мной, Мама Вселенная,
Сжавшись в размерах до детской площадки.

Космос пропах абрикосовой вечностью.
Спрятан покой в метафизике бунта.
Поговори со мной, Бог человеческий,
На языке Терешковой и Будды.

Мне – с парусами в распахнутых форточках,
С крымской Ассолью у летних калиток —
«Поговори со мной» кажется формулой
Самой священной на свете молитвы.

Вспенится в облаке каплей игристого
Просьба, что старше китайского риса:

«Поговори со мной, поговори со мной,
Поговори со мной, поговори со мной,
Поговори со...»

Мной.

Онкология: Зеленая балерина

Незнакомке

На Родине Грига (точнее, Грина),
Где иволги ивам кудряшки чешут,
Танцует зеленая балерина,
Порхая на кончиках хрупких чешек.

А здесь в полный обморок жрут лекарства,
Спастись по которым мечтали все бы;
Ворона за окнами, глухо каркнув,
Уносит к пророкам сырое небо.

Пусть день ото дня тяжелей вериги,
Но каждый уверен: вдали, незрима,
На Родине Грина (точнее, Грига)
Танцует зеленая балерина.

Она прилетит – не сейчас, а через
Десятки столетий на крыльях лета...
И прячет девчонка под лысый череп
Смертельный билет своего балета.

Мы с ней очутились в звериной яме,
Где хуже насилия – только жалость.
И те, кто когда-то звались друзьями,

Сегодня предательски разбежались

Участвовать в жизненных хит-парадах,
Жевать из бездомных собачек булки...
Танцуй, моя радость, пока я рядом
Стою, опираясь лицом о бункер.

Мы вместе прорвемся из тряской тины
На красном коне колокольной конки:
На Родине Грига (точнее, Грина)
Нас ждут одногрудые амазонки.

Я стану Памеллой, а ты – Мореллой:
С нас варвары будут писать эстампы.
Мы ловко натянем тугие стрелы
И пустим по свету амуров ампул.

Поэт я. И жизнь у меня – разбита.
Кому как не мне погибать на минах,
Взрывая планеты? Но ты-то, ты-то...
Прости мне, зеленая балерина.

Casual Story

У старой собаки Жучки – всего два друга:
Кот Васька и мальчик Глеб из квартиры пять.
Когда она воеет, перебудив округу,
Кот деру дает, а мальчик орет: «Лежать!»

Но Жучка жила так долго, как только в сказке
Крылатые псы и волки еще живут.
Ей снились старик Джек Лондон, Сибирь, Аляска,
А если совсем хреново – то Голливуд.

Теперь ее сны пусты, как бумажник хиппи.
Поэтому ей так важно, что есть сейчас:
Крикливый подросток Глеб в гнойничковой сыпи
И Васька, который метит когтями в глаз.

Столичная осень... Двор заболел простудой.
По небу текут пивные барашки стай.
Но Жучка смотрит на солнце – и видит Будду,
И Будда ей обещает собачий рай.

В такие минуты жить веселей и жутче,
Как будто успел, как будто попал в струю...
И кажется ей, паршивой дворняге Жучке,
Что стала она принцессой в чужом раю.

Зимой обрастает осень. Вторые сутки
Гулять не выходит юный соседский шпиц.
На встречном пути не Будды стоят, а будки,
И лица теряют лики в потоке лиц.

На Жучке линяют шрамы ее проплешин.
Тем временем Будда космос ведет к весне...

Кот Васька за хвост садистами был повешен,
А Глеб в девятнадцать с лишним погиб в Чечне.

Вождя заказали

*Меня заказали.
Андрей Макаревич*

Толпа напряглась, с трудом подавляя ропот.
Какая-то баба сзади чихнула сладко.
И вдруг по рядам пронесся пугливый шепот:
«Смотрите! Смотрите!
Вождь не попал в десятку!»

О нем говорили: вместо зрачков – алмазы.
Он мифом прослыл от Африки до Алтая...
Сенсация века: лучший стрелок промазал
И больше не годен быть заводилой стаи.

Как лидера крайних левых перед хоккеем,
Как дряхлого принца где-нибудь на Самоа,
Вождя заказали собственные лакеи...
Позвольте им смыться, let those people go!

Им стригли «под бобик» совесть в совковых дурках.
Из них вычищали вечность банальной хлоркой.
Вождя похоронят в урне из бронзы урки.
За гимн о вожде получают писцы пятерки.

И, день ото дня в своей суете смелея,

Они себя постепенно сочтут вождями;
Отпразднуют «вечер памяти» к юбилею,
С которым и рядом в поле не сядет память.

В душе у вождя – не дактили, не хорей:
В душе у вождя – Чернобыль и Хиросима.
Вождя заказали... Хоть бы уже скорее!
Водить этой жизнью стало – невыносимо:

Храня непорочность Мышкина в «Идиоте»,
Лелея коварство опытного индейца, —
Быть первым, быть вечно первым, на самом взлете,
Когда от падений некуда больше деться!

А может быть, все – мираж, и вождя надули?
Как пьяницу, что шатается на вокзале
И, путая синяки со следами пули,
Истошно вопит: «Они меня заказали!»?

Вождю отвечают: «Надо бы попуститься.
Запомни, не ты один на планете гений».
Но в облаке над ЧАЭС пролетают птицы,
Поэзией облученные, как рентгеном;

И цель на табло мигает в вокзальном зале:
Пора выбывать из шумных житейских скачек.
Такие дела... Вождя уже заказали...
И вождь этот – я.
Но главное: я – заказчик.

Пасха

Вчера я был убит. Сегодня я
Очнулся под землей и ткнулся лбом
О бархат крышки, изломав хребет
В попытке встать хотя б в неполный рост...
С небес я слышал щебет соловья,
Рев Боингов и тихий рокот бомб.
Вдали все так же бронзовел Тибет.
В норе все так же шевелился крот.

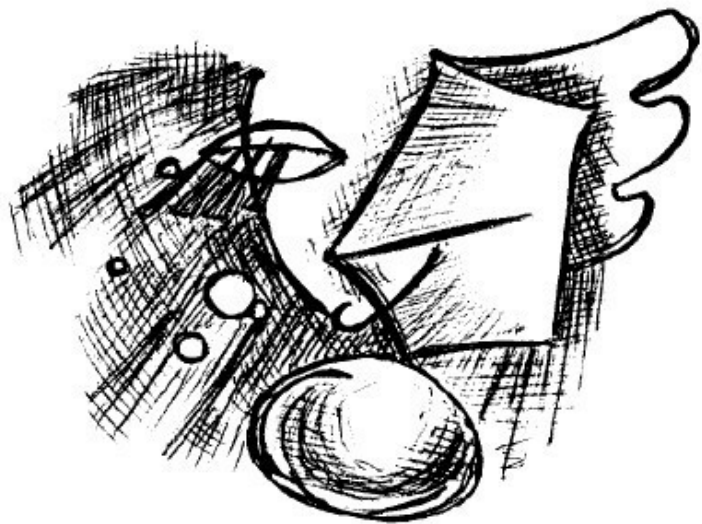
Я был убит. О Господи, за что?
Я обстоятельств действия не засек
И не увидел главного лица,
За пять минут до гибели устав...
Палач был тих. Палач носил пальто.
Палач негромко кашлял – это все,
Что я заметил. Сказку до конца —
Досматривать нельзя: таков устав.

Теперь мой пульс спокоен, как удав.
Я рою грунт со слабостью сохи.
Участок мой не ведают: ни Google,
Ни справочник, ни Книга Берейшит...
Прозрение приходит, как удар:
Я был убит, конечно, за стихи.
Вернее, так: за то, что я могу

Сказать стихами то, что их страшит.

Я помню казнь: мой лучший друг сказал,
Что я – «поэт гражданских кабаков».
Передо мной кривлялся мелкий бес.
И отпевал меня схизматик-поп...
Потом мой друг уехал на вокзал.
Бес выдохся. Поп спать ушел в альков.

Я пролежал Субботу – и Воскрес.
Пришла Мария и открыла гроб.

Закрывать глаза

Закрывать глаза – и спать, и спать, и спать,
Не видя снов.

Всю жизнь – до самой смерти.

Будильник сел.

Будить его не смейте.

Добро и Зло отмечены как спам.

Закрывать глаза – родных не встретив глаз
(Того, вернее, что от них осталось).

Так бабушки, когда приходит старость,

Ложатся в рай, забыв на кухне газ.

Закрывать глаза – так раковой больной,

Навеки веки под рукой сестричек

Смежает,

Улетая к Беатриче

И обретая дантовский покой.

В полнейшей тьме ты весь как будто «над»:

Не только тьмой, – но даже белым светом,

Что греет чернокожую планету...

Закрывать глаза —

И Африки не знать.

Закрывать глаза – не видеть в них тебя
(Читай: себя) – и весь народ йоруба.

... А женщины, которых любит Рубенс,
Готовят фарш для пышных кулебяк.

Будда и червячок (Сутра о своевременности)

Мне рассказали... Я бы не
Смог написать ни ямба сам:
Будда сидел под яблоней.
Будде хотелось яблока.

«Будде хотелось»?! – Опаньки!
Факт вопреки пророчеству.
Это в какой же опере
Будде чего-то хочется?!

Страсти давно похерены,
Но не об этом песенка:
Яблоко было – зелено,
Будде не дали лесенку.

Будда стоял растерянно.
Будда тянул кота за хвост.
Лезть мудрецу на дерево —
Вроде бы не по статусу.

Вышло светило яркое —
Выжгло сады по осени:
Спелые чудо-яблони

Сами плоды и сбросили.

Будду при виде яблока
Радость постигла дикая...
Вдруг червячок из ядрышка
Йогу сказал: «Иди-ка ты!

Мне и без будд здесь нравится.
Гажу я здесь и юркаю!» —
В общем, согласно правилам:
Будда – не пара Ньютону.

Время

Памяти Иосифа Бродского

Ты приедешь ко мне – я не брошусь с порога встречать:
Как тогда, полупьяным, – с блевотой и счастьем в
обнимку.

Я теперь выхожу не в кабак, не на площадь, – а в чат.
Аватар, согласишься, не украсишь рентгеновским снимком.

И пишу я теперь (даже стыдно!), как глупый кадет
В эмиграции, – приторный, пафосный вальс в стиле
ретро.

А по улицам ходят молекулы в виде людей.

Ганс читает спецкурс по фрейдизму.

А бедная Грета

Доедает в «Макдональдсе» свой двухэтажный хот-дог,
Опуская глаза перед взглядом бездомной собаки.

Ты приедешь все тот же —

Высокий. Усталый. Худой.

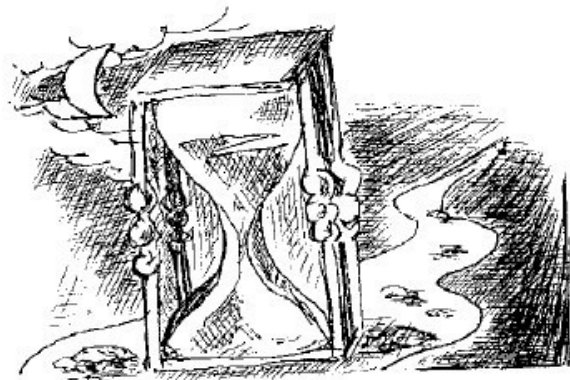
В очень модной подаренной мной (или кем-то) рубашке.

Было время, ты помнишь, чужих я боялся вещей?
Я снимал их с тебя, как с Маруси казак – коромысло.
Но сейчас, кто что носит, поверь, не несет вообще
Никакого – ни личного, ни социального – смысла.

Ты приедешь в мой дом – он покажется страшно чужим.
У него по весне отрастут стометровые башни,
И на каждой из них будет маленький призрачный джинн
Выпускать из бутылки смешные мечты о вчерашнем.

Ты, конечно, захочешь узнать, что случилось в конце:
Где хозяин?
Где старая кухня с прокуренным газом?

Но в ответ только хрипло затывкает, дергая цепь,
Внук той сучки, что стала котлетой для девочки Ганса.

Попытка Сэлинджера

Наташе Антоновой

Выйди, Сестренка.

Прятаться – больше негде:

Светит, как солнце, твой пацифистский нимб.

Наши мужья – Поэты – тусят на небе.

Мы – непонятным раком – сидим под ним.

Дай закурить.

Забей сигарету праной.

Верю в Тебя,

Как дети – в советский фильм.

Видишь, как щедро хлещет нектар из крана? —

Только не вздумай ставить проклятый фильтр.

В каждом прохожем —

Прячутся херувимы.

В каждом дерьме —

Вместилище чистоты.

Мы беззащитны так, что неуязвимы:

Нам непонятно, кто изобрел щиты.

Это, конечно, глупо —

Дышать эфиром.

Всей внутривенной пропастью – падать в рожь.

Кто-то Большой на жизнь не поставил фильтра:
Так и кури, Сестренка, —
Авось, умрешь.

Синдром фатальной обреченности

Анна Юннис. г. Санкт-Петербург

От автора:

Детство я провела на Северном Кавказе (в одном из тех городков, где Печорин наделал много шума), позже переехала в Петербург и обвенчалась с его колоннадами, крышами и каналами на долгие пятнадцать лет.

Окончила факультет политологии СПбГУ, затем вступила в ряды членов-корреспондентов АРСИИ им. Г.Р. Державина. Сейчас изучаю психоанализ, отчего пришлось изменить ставшему родным Питеру с господином Фрейдом и углубиться в тайны человеческой души.

Собираю фигурки сов и Пьеро. Пою, когда хорошо. Рисую, когда еще лучше. Пишу. Всегда. И порой обрабатываю материал до года. Разгильдяйка, но совестливая. Перманентно влюбленная. Апологет чистоты поэтической крови похлеще семейства Малфоев. Про влюбленную я пошутила.

В 2007 году вышла моя первая книга «Эстафета», после родилась и вторая «По ту сторону тумана». Если говорить о стихах, как о детях, то я, пожалуй, многодетная мать (правда, не в меру строгая); а если все-таки возвести их в ранг продуктов сублимации... Нет, совершенно не хочется связывать свободный акт творения по рукам и ногам, предоставляя науке право о нем судить. Эта привилегия все-таки остается за читателем.

© Юннис А., 2015

Только я не лечусь...

Мостовые сверкают от влаги дождя – по субботам —
Ренуар пишет «Танцы», заметив твой синий пиджак.
Вместо счетницы мне принесли наше общее фото,
Где на нем еще (помнишь?) ты бисерно вывел «всех
благ».

Формалиновый привкус у чая – в день прошлой разлуки
—

Ты размешивал сахар не ложкой, а дужкой очков.
Я сейчас понимаю, насколько холодные руки
По ночам грели сердце. И полон твоих двойников
Этот город теперь – меморандум дистантных желаний:
Не коснуться, не взять, не проверить согласие чувств.

Среди сотен полученных (вроде случайных) посланий
Я всего ничего – твое «здравствуй» услышать хочу.

Подожду до зимы, измеряя шагами пространство
Между пыльных перронов – по рельсам отчаянный звон.
Ты когда-то сказал, что сильнейшее в мире лекарство
От любви – это время. И, кажется, что-то про сон...

Только я не лечусь.

Аусвайс

Провианта точно не хватит. Пусть.
Я – в дорогу. К солнцу, не за тобой.
Мой стакан всегда вождеденно пуст,
И в гортани жадно скребет огонь.

На повестке дня – диалект чужих,
Непонятных, странных, мне в самый раз,
И учиться жизни у них всю жизнь,
Чтоб не в бровь, а в глаз, непременно в глаз.

Ты смеешься: «Путь твой нацелен в ад,
Развезло от кофе, как колею.
И сама как черт, на цыганский лад.
Я тебя, такую, не люблю».

Не дрожит в ночи карабина ствол,
Прядь волос скрывает берсеркский взгляд.
Выдыхаю перечной мглой ментол:
«Ну, тогда до встречи, мой недобрат».

...У него глаза от сурьмы темны,
Реверс головы стрижен под G.I.
Я его прокуренный смех взаймы
Забираю пропуском прямо в рай.

Двенадцать

Двенадцать месяцев пролетело; она сказала, что будет жить,

В Господне лето вернула тело (одни картонные муляжи).

Ей сон не в руку, и час не ровен
(как штрих на подписи – кошкин хвост).

Она хотела болеть любовью,
носить туникой во весь свой рост

Ее, улыбкой сияя – солнцем,
на крышах мелом писать «люблю!».

Сухой асфальт прозвенел червонцем
в ушах и вырезал на корню

(Как ту деревню холера) счастье.

Мольба сирены, бесплатный цирк:

Пьеро с носилками из медчасти и карты ей
неизвестной масти, и (ржавый) Стинг.

Двенадцать месяцев пролетело;

дедлайном выделив ровно год,

Она выросла или старела...

и была выпью в тени вольера, драла живот.

Одной затяжкой курила Марли,

читала Мартина вслух сестре.

И из-под (с кожей сращенной) марли ее тепло отдалось
весне.

Недавно, в парке кормя собаку,

я взглядом в небе поймал (на треть)
Упрямый профиль дракона Хаку
и рядом ту, что смогла взлететь.

За пять шагов до Луны

А мне не надо твоих авансов.
Я так привыкла: больной, убогой.
Питаюсь страстью. Не странно разве,
Что изначально не той дорогой
Стремглав иду, распустив по плечи
Горгоньих змей золотую лаву?
К тебе недолго: всего лишь вечер,
За пять шагов до Луны – направо...

Докажи

Докажи, что правила все просты:
у любой планеты есть север; дом —
там, где мама или, возможно, ты
(если хочешь). Дышится здесь с трудом,
на орбите черной дыры. Отсек
с кораблем в трофей превратился дна.

Я брожу по снам, я кружу во сне,
я схожу с ума.

Я схожу с ума от боязни жить
в камуфляже сером из волчьих шкур.
Ты проверил стропы и крепежи,
ты надел скафандр. И по шелчку
карабинов сумрак меняет лик
(что дурак, что гений – родство дорог).

Докажи. И внутренний твой двойник
не взведет курок.

Обещай вернуться, пусть на словах.

«Даже в бездне скрыт отголосок звезд.
Я тебя... ты знаешь...» – и астронавт
перерезал трос.

Нукке

Есть пиджак на выход и два лакея,
Фляжка спирту, конь и большой шатер.
Ты ко мне придешь непременно, фея.
Я – наглец, я – падальщик, я – актер.

Я зело хитер (мой чванливый зритель
Сыт по горло сказками о добре):
Он с надеждой входит в мою обитель,
Он желает сдаться моей игре.

На цилиндре – туз, под цилиндром – бездна
Душ продажных: зал откровенных сцен.
И тебя здесь также свое ждет место
По одной из самых завидных цен.

Зубоскалит влага на коже смуглой.
Мезальянсом тянет из-за кулис.
Ты рискуешь стать моей лучшей куклой.
Ты уже шагаешь со мной на бис...

Рецидив

Рак точил ее тело, рубил концы,
Герметично заdraивал люки сна:
«Ровно трижды споют по тебе скворцы,
И придет весна.
От тебя не останется ничего,
Кроме стопочки (писем ли, коньяку).
В невесомости пусто и так легко,
Расскажи ему.
Как томограф похож изнутри на гроб,
Как за стенкой в ночи тихо стонет мать.
Бога нет (и де-факто лишь мизантроп
Мог тебя создать,
Чтобы корчилась в жиге печальных дум
От тринадцати до... сколько б ни жилось).
Он увидит, как в твой боевой костюм
Забивают гвоздь.
Расскажи ему. Вновь обагрил закат
Серый камень, застрявший в твоей груди».

И она рассказала ему, что ад —
Это рецидив.

Звездочет

Везде тебя искал. И зажигал лампаду,
Чтоб, видя свет в окне, ко мне вернулась ты.
И часовые-львы над петербургским адом
Нам выстроили мост из перистой тафты.
Закатный долгий день в тринадцать поколений.
И в рукаве огонь, и демон за плечом.
А мне бы лбом припасть к углам твоих коленей,
Но я почти никто: бродяга-звездочет,
Скиталец меж миров в плаще иссиня-черном,
Как ворон сам, кружу над водами Невы.
И все, что я хочу, – по крошкам хлебным, зернам
И желтым кирпичам проникнуть в твои сны.
Ты где-то на Земле, но будто в легкой дреме.
И Вечность на тебя глядит из темноты.
А я спалил добро в своем казенном доме,
Чтоб, видя свет в окне, ко мне вернулась ты.

АНТИДОТ

Самое неземное из чувств —
То, что щекоткой внизу живота
Бегают. Я к тебе лечу,
Селезнем в черном плаще кричу:
«Ну-ка, проклятые, от винта!»

Мне уступают, боясь огня,
Дружно богини твоих суббот.
Я ведь – дитя колдовского дня,
Ну, подойди же, прими меня
Капля за каплей, как антидот.

Есть чем похвастаться, смысла – нет,
И мне в обратный пора бы путь.
Ты снова прячешь в трюмо билет.
Бедный мой, бедный земной поэт,
Хватит меня принимать на грудь...

Теряя вечность в твоём лице...

Не спит Чудовище. Все прядет.
Витки соломы сплетает в нить.
Потертый обод скрипит, и свод
Чертогов мрачных готов пленить
Волшбою сон твой, дитя, и смех,
Набрать мозаикой витражи:
Ты сердце робко вручаешь тьме.

Ты здесь сама согласилась жить,
Шепча тихонько стальное «да»,
Судьбу вверяя чужой руке.
И то, что ты ему можешь дать,
Вминая тень в дорогой паркет,
Вдыхая розы певучий звук,
Шурша подолом вдоль галерей,
Поверь, ценнее любых наук,
Страшней подаренных им смертей.

Колдун, со взглядом хромого пса,
Плавник фаянса хранит в ларце —
Ты видишь, кем он с тобою стал,
Теряя вечность в твоём лице,
Не знавший ласки столетний зверь?
И в поцелуе, как во хмелю,
Забыться дай человеку, Белль,

Разрушив чары простым «люблю»...

Шифротекст. Мама звонит в «03»

Март – это ад, возведенный за ночь сплошной стеной.
Скачет давление. Мама звонит в «03».
Будто бы слышит ссутулившейся спиной
Мой сардонический, самый последний хрип.

Где твое место, немая моя война?
Я, безоружная, крылья в зубах несу.
Мама, пожалуй, права была, что весна
Полностью мне посвятит свой земной досуг.

Как бы дожить до апреля и майских гроз,
Первой грозы... И сбежать босиком домой.
Благовест в сердце сменил лейтмотив на «sos»,
Раненно брызжет красной строкой в ладонь.

Вот что криптографам перепадет в архив —
Черным акрилом исписанные бинты.
Если кому-то сгодятся мои стихи,
Пусть это будешь ты.
Неприменно – ты.

Лето – самое время начать летать

Солнце бьет через прорезь стальных решеток,
Позументно теснится сквозь цепи дней.
Если втемную выбрать из всех высоток,
То одна непременно взойдет твоей:
Облака, что плывут по стеклу отрядом,
Отраженные звезды на глади шихт
И цветущие вечно японским садом
На чужом подоконнике лапы пихт.
Наблюдать твою жизнь по сигналам света:
Ты пришел, ты умер, расстроив мать,
Ты опять закурил (не дождавшись лета;
Лето – самое время начать летать).
И когда надоест тебе чтить балконы,
Мельтешить черной тенью за тем окном,
Выбирай самый долгий, спокойный сон мой:
Сон, в котором мы общий построим дом.

Двустоличное

В подлокотники кресла впаяны сны.
Говорила не раз: «Друг, шагни в мою полночь!»
У меня до сих пор с позапрошлой весны
Не выходит из пазух московская щелочь.

Я БГ-шных элегий усвоила суть,
В моих легких есть все: от Петра и до Блока,
Девяносто седьмого осенняя нудь
И мурашки от «Брата» и русского рока.

Как там Рим номер три в кружевах, трюфелях?
Ты совсем остолчился, пахнешь шанельно.
А у нас тут декабрь случился на днях.

Ты давай приезжай,
без тебя все же
скверно.

Мне говорили

Мне говорили: «Вот то окно.
И бледный свет из него неровен,
Авангардистски по планкам кровель
Он тянет щупальца: неземно
И пагубно для твоей души.
Ты заболела. Вернись, послушай...»
Мне объясняли, что свет не нужен,
И осаждали смешным «дыши».
И я дышала тогда весной
И терпкой, хищной ее прохладой.
Я для проформы шептала: «Надо!»
(Над адом выстроить путь домой).
Мне говорили: «А за окном
Мелькает тень твоего унынья.
Ее хозяин был обескрылен
За то, что вторгся кошмарным сном
В подкорку, череп разбив и сеть
Сплетая длинной паучьей лапой».
Я вспоминала, как «демон» граппой
Меня отпаивал час и четь
И укрывал с головой пальто,
Им только пахнувшим, темным, синим.
И целовал, и просил быть сильной...
Мне говорили: «Вот то окно.
Войдешь в чердачный свой минарет,

Протрешь ладонью пустые полки,
Вколотишь в зеркало прищур волка —
И вдруг поймешь, что
тебя
в нем
нет».

Бонни и Клайд

Я боюсь, это небо когда-нибудь все же уснет.
Я боюсь, эти звуки умолкнут и руки твои не обнимут.
И за тем поворотом, где дом мой, на кольцах гаррот
Задохнутся столетья, мишенью избравшие спину
Персонажа с условным рефлексом выискивать толк
В женском «буду любить». Пробираясь по крышам
истерик,
Я базируюсь снайпером и контролирую торг
Палачей с адвокатами. Каждая тля, из статеек
Понабравшись всей чуши о белом и черном, вполне
Рассудить себе может, что мы с тобой пара злодеев.
Пусть не киногерои, так лучше! И в этой войне,
Если ты мне доверишься, мы отыграться сумеем
На техасских бастардах... Но май накормили свинцом,
По обугленной коже кочует созвездие Гидры.
Между жизнью в неволе и мертвым любимым лицом
Что б ты выбрал?

Я боюсь, это небо когда-нибудь все же уснет...

Я хочу видеть море

Если здешний песок не учел вероятность событий
И не балует небо депешами лондонский смог,
Я хотела бы просто простить и проститься и выйти
За пределы начертанных тонким пунктиром дорог.

Я хотела бы снова поставить на карту везенье,
Вечным дьяволом-штурманом грозно стоять у руля.
Вместо рома до смерти глотать темно-синее зелье
Ядом смазанных взглядов твоих, молодая земля.

Мне ни дни и ни ночи безжалостно грудь не расплавят
Ни тоской по твердыне, ни грузом притворных утех.
Я хочу видеть море и запрограммировать память
Забывать тех, с кем было когда-то прекраснее всех.

Но не вылечить язву в душе поселившейся волей
До тех пор, пока пальцы щербатость хватают камней.
Я хочу видеть море. Хочу видеть чертово море
С вереницею чаячьих белых больших кораблей...

Зачарованный странник Осень

– Ты смеешься?

Ни капли, милый
Друг мой, мне не до смеха вовсе.
Я тебя больше всех любила,
Зачарованный странник Осень.

Мне хотелось, чтоб ты, ревнуя
К лютой Стуже, забросил краски
И забрал бы меня, больную,
Из нагой заповедной сказки.

Мне хотелось, чтоб ты, жалея
О снедающей нас разлуке,
Желтым пламенем сжег аллеи,
Где мне Лето голубил руки.

Мне хотелось, чтоб ты, скучая
По моим одичалым взглядам,
Вырвал сердцем из яблонь мая
Страсть Весны к дорогим нарядам.

Мне хотелось... и так до смерти:
Мы вдвоем – только наша пьеса.
Осень, что ты молчишь? Ответь мне!

– Я тебя не люблю, принцесса...

Под сурдинку

Не здороваешься. Не хочешь. Или, может, не узнаешь
Среди лиц пассажиров прочих,
что выходят – кто в ночь, кто – в дождь.

В гуще сутолоки вокзальной я одна – продолжение стен.
Под сурдинку сростаюсь с тайной городских эшафотов,
сцен,

Желтых окон (обойм каркасных). Все от крика саднит
гортань.

Нас тут много: усталых, грязных, одиноких, забытых Ань
В общем теле. Влюбленность штаммы
разрубает как скифский меч:

Часть меня вырастает в шрамы обескрыленных голых
плеч,

Часть другая огня из камня ждет уже испокон веков
(Не дождется). На этой псарне ты с другими свой делишь
кров:

Посучистой и позадорней, повизгливей и посмелей.

А в моей ненормальной норме не хватает лишь двух
нулей

На табло, будто вдруг нарочно стал весь мир на меня
похож.

Не здороваешься. Не хочешь. Или, может, не узнаешь...

Слуги кармы

И в каждом звуке, и в каждой строчке,
и в абсолюте моей надежды
Тебя раздаривать по кусочкам.
И разделить, и рассеять между
Систем, галактик, планет, материй
дорогой звездной, геномом ночи
Тебя... Сбереечь в проводах артерий
и в каждом звуке, и в каждой строчке.

Пусть все стенают, пусть хором льются,
пусть жажда мучит при легком вздохе:
Они не знают, над чем смеются,
не понимают, что даже крохи
Твоих улыбок, прикосновений,
случайных взглядов – дороже жизни.
В моем желудке – клубок снарядов,
с восходом солнца все ненавистней
Мне мир. Готова взорваться.
Прахом по снам чужим разлететься.
Веришь,
Я управлять научилась страхом.
Но одиночество не измеришь...
Не отвинтишь, не поставишь в угол,
не спрячешь в подпол. На самом деле
Мы лишь блуждаем в театре кукол

с тугой веревкой у самой шеи.

Мы – не скитальцы, мы – слуги кармы.

Мы, видно, сделали нечто в прошлом

Такое, что не хотят экраны

судьбы злосчастной неосторожно

Нам показать и вдвоем оставить

(в любви, в покое или в забвенье).

Разлюбишь только, как тут же память

тобою выстрелит в подреберье.

Рариллон

Завернуться в плед, словно в желтый кокон,
И забыть, что в город пришла весна.
Я сижу у Бога почти под боком.
Только он никак не дарует сна.

Говорит, упряма была и ныла.
Говорит, – прогонит меня взашей.
И толпятся все, кем была любима,
Пулеметной очередью в душе.

Что просить у небес?

Выдыхаешь и ждешь. Объявляют твой выход на сцену.
Сотни вперили взгляд. Потолок ненароком упасть
Все грозитя. И пыль, оседая, тебя под прицелом
Оставляет одну. Зал театра – раскрытая пасть.
Волочится боа, как любовник, за темным подолом.
В горле солнцем восходит болезненно давящий ком.
Что просить у небес, если борется явь с валидолом,
Если в первом ряду этот зритель до жути знаком?

Он намеренно здесь; ты же чувствуешь, в самом финале,
На последнем аккорде к ногам полетят васильки.
Что просить у небес, если в каждом незримом сигнале
Его полуулыбки – касание жаркой руки?

Ты стоишь для него. Вырываешь из полузабытой
Жизни ночи безумные, острое это лицо.
Столько лет утекло, только память стрелой ядовитой
Обернула на пальце дрожащем витое кольцо...
Ты закуришь в антракте и скажешь, что вдруг заболела.
И заботливый некто заварит ромашковый чай.
Что просить у небес, если им совершенно нет дела
До того, кто решил навсегда о любви замолчать?

Поезд двинется в путь. И отныне предательски брошен
Будет северный город в объятия новой зимы.

Что просить у небес, если делишь купе с тем, кто может
Сократить целый мир до простого желанного «мы»?

АМОК

Ты знаешь, доктор, все очень скверно.
Я спасовала перед собой же.

Моя миграция длится дольше,
Чем могут выдержать фибры, нервы
И руки, что килограмм по двадцать
В былую пору еще носили.

Ты знаешь, доктор, мы долго пили
Святую воду из вены адской
(Я тут блудница и лютый бражник,
Бычки кидаю в кресты прохожих).

А под ногтями нирванной сажей
Засело лето, остравских прожиг
Манулоглазых
Ахои, пряные поцелуи.

Ты знаешь, доктор, меня вернули,
Как возвращают пустую вазу.

Вот я пишу в своей темной клетки,
Что ты ссылаешься все на амок.

Но я смеюсь, как смеются дети,

И покидаю песочный замок.

**И везет меня поезд во мглу...
Ребекка Лильеберг. г. Москва**

Об авторе:

Ребекка Эриковна Лильберг родилась в Москве, окончила философский факультет Российского открытого университета, преподаватель.

Стихи и прозу пишет с 1990-х годов, в 2000 г. вышла книга «Вытоптаные лилии». В своих стихах обращается к историческим темам, а также к традиционной лирической тематике.

© Лильберг Р., 2015

«Чудесный вечер, плачущий закат...»

Чудесный вечер, плачущий закат;
Ложатся тени трепетно и зыбко,
И тишина, и мысли невпопад, —
Лишь там, в низине, где-то плачет скрипка...

И я стою у бездны на краю —
За гранью суеты мирской и шума,
И в час сей, где так сумрачны все думы,
Спой, скрипка, про судьбу и жизнь мою...

Спой песню, скрипка милая моя,
Не ведавшей ни Зевса, ни Эреба
Душе, зачем-то выжившей под небом,
И боли всей, что знала в жизни я, —

Не сломленной, поднявшейся с колен;
Узревшей мир незрячими глазами, —
Спой, скрипка, мне, – рефрен, еще рефрен! —
И слезы почему-то льются сами

О жизни прошлой, пущенной врасход...
Безжалостного века гул железный
Спой, скрипка, мне – про смерть, про мой полет
Над смертью, как над пропастью, над бездной

За гранью, за чертой добра и зла,
Во мгле, там, где горела я и слепла,
И рухнув там, слепая, умерла
И, мертвая, воскресла, как из пепла,

А дальше путь лежал сквозь времена,
Где мир горел, взрываясь и пылая, —
Там скорый суд вершила всем война,
Пути свои смертями устилая, —

Безжалостное время перемен
Гналось за мной и зверем диким выло,
И мчалась я – сквозь ужас, боль и тлен,
И снова смерть дышала мне в затылок,

О если б слышать вам той скрипки плач, —
И в сердце, словно нож, вонзились ноты...
Играй, играй до ночи, мой скрипач! —
Не вижу я тебя, но знаю, кто ты, —

Ты сон извечный мой, и в этом сне
Дом отчий, и цветет весной вишня,
И память там моя горит в огне,
И скрипка вечно плачет еле слышно...

«Средь трех времен и среди пяти огней...»

Генриетте Альтман

Средь трех времен и средь пяти огней
Грядущим тем, что минуло, не сбывшись,
Что пронеслось, на миг остановившись
И оглянувшись в суতোлке дней —

И поднял вновь Харон свое весло,
И в воды Леты лег венок соцветий,
И им кольцо веков разорвало
И раскромсало цепь тысячелетий —

Был тяжек лязг отброшенных оков
Для сгинувших, ушедших безвозвратно,
И кончилось течение веков,
И стрелки на часах пошли обратно.

И только ты одна не стала ждать —
Ты птицей воспарила и взлетела
В грядущее, чтоб там меня искать —
Звала меня, но Вечность онемела.

Ты потеряла счет своим мирам —

Надежда, что звала в иные дали,
Ты верила лишь небу и ветрам,
И возносила в Вечность по спирали.

Но нет! – Ты не сломалась, не сдалась,
Ты никогда не верила в везенье,
И время обгоняя, ты неслась
В сияющее небо безвременья —

И там, пронзив безвременье насквозь,
Ты поняла сквозь боль и сквозь усталость —
Как страшно то грядущее сбылось,
Что прошлым только мнилось и казалось —

Так странно все, что послано судьбой!
Ах, – как же вы наивны, право, люди! —
Былое, что не прожито тобой,
Грядущее, которого не будет!

Ты поняла: все – небыль, все – полон!
Все то, что было дважды, трижды свято, —
Все это – лишь обман, мираж и сон!..

...И молча ты стоишь меж трех времен,
И память все зовет тебя куда-то...

«...Ароматы любви!...»

...Ароматы любви!
Ароматы безумной и страстной любви!
О, божественный жар,
Что рвет душу и мутит рассудок!...
Только этим живи,
И бушует в крови
Алой розы пожар
В кружевах голубых незабудок!...

...О, божественный час,
И я падаю ниц
В средоточие грез,
И ловлю я сквозь негу
Томный взор твоих глаз
Из-под полуприкрытых ресниц —
Дальний свет моих звезд
С полуночного неба...

«Стой, мой ангел! Куда ты пошла?..»

– Стой, мой ангел! Куда ты пошла?
Видишь неба пылающий полог?
Может, путь твой быть ныне недолог —
Ныне будет твой день без числа.

– Как же может быть день без числа
И при чем здесь лазурное небо? —
Мир там всюду и вечная нега...
Этот день я как праздник ждала!

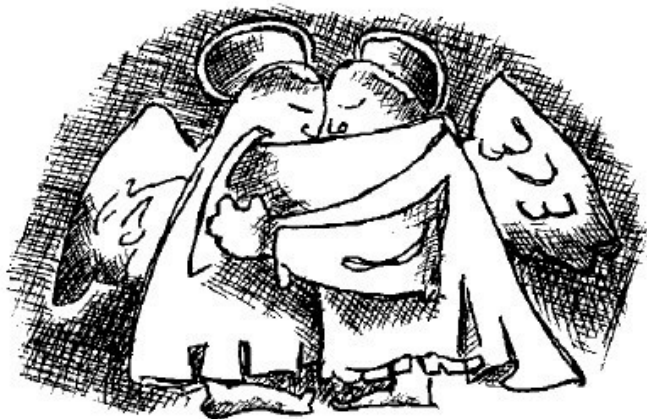
– Ты не знаешь, как небо сердит
Так, что дыбом становится волос!
Ты сегодня услышь тот голос —
Нынче с неба к нам смерть прилетит,

И весь мир превратится в ничто —
Книгу жизни своей я листаю...
Но обиду во взоре читаю —
Может, что-то сказала не то?

– Все ты лжешь! Правды нет и на треть!
Ты взгляни на бескрайнее чудо!
Небо – свято!.. Как может оттуда
К нам какая-то смерть прилететь?

— Все свершится, как я говорю, —
Так записано в книге, родная,
И сегодня, мой ангел, я знаю,
Чей-то взор не увидит зарю!..

...Годы минут, развеется мгла,
Вспомнишь ты, как я рядом сидела
И как с неба к нам смерть прилетела
И по разным мирам развела...

«Мои осенние тревоги...»

Мои осенние тревоги —
Твои осенние пути...
Застыло лето на пороге,
Чтоб попрощаться и уйти

На четверть, треть, наполовину —
И за листом слетает лист.
Свою исполнив каватину,
Уходит лето в тень кулис,

Волной сползая пожелтевшей,
Взвиваясь трепетной листвой...
...И вдруг на сцене опустевшей
Во мгле возникнет образ твой, —

Ты обернешься, облачишься
В шелка и бархат бытия,
Негромко в двери постучишься
И мне ответишь: «Это – я»,

И ты войдешь, и – все!.. ни звука;
Глаза, глядящие в глаза;
Рука, сжимающая руку,
И по щеке бежит слеза,

Едва скрываема дланью
Сквозь боль, что не было больней, —
Святая тайна ожиданья,
Что рвет медлительность всех дней,

Сорвав засовы и преграды,
Наперекор небытию, —
Огнем и вихрем листопада
Ты вновь ворвешься в жизнь мою,

Кружась, алея и сверкая
Живой мозаикой огня,
И дол, и небо засыпая
Листвой, летящей сквозь меня,

И обнимая так неловко,
Над головой сложив крыла...
И я промолвлю: «Что ж так долго? —
Так долго я тебя ждала! —

Ах, время, время! – Как ты мчишься!» —
От сердца бедного укор...
А ты, как прежде, отмолчишься
И, как всегда, потупишь взор

И губы стиснешь, как от боли,
На миг отбросив свой покров...
Но взгляд твой мне расскажет боле —
Стократно боле всяких слов,

И я пойму, быть может, что-то,
И вдруг взгляну в немую высь, —
Махнула осень позолотой,
И две стези пересеклись —

Аншлаг в театре!.. сказку странствий
Играют двое – ты и я,
За гранью времени – пространства,
И вне законов бытия —

Былых путей; былых свиданий;
Разлук минувших горький дым,
И встреч сквозь горечь ожиданий
Промеж не-бывшим и былым,

А Осень кружит Мельпомену —
Мелькают ленты и цветы,
И лист летит, летит на сцену
И засыпает все следы,

А мы стоим, забыв о лете,
Там, где с органом спорит хор
И в трубы дует свежий ветер —
Фурор сегодня, ну – фурор! —

Гремят басы; сверкают лампы,
И мы – ни живы, ни мертвы...
Но гаснет свет горячей рампы

Сквозь желтый занавес листвы, —

Уходит лето в ритме танго, —
Финал, последний взгляд назад,
И образ твой, мой милый ангел,
Уносит в небыль листопад —

Аплодисменты Мельпомене
Не сожалея, не скорбя.
И снова я одна на сцене,
Где словно не было тебя —

Лишь тень стремглав скользит за тенью,
Но – где же, где же тень твоя? —
Уходит сказка наважденья,
Приходит тщета бытия...

Но я постигну смысл твой тайный,
А от догадок – стынет кровь:
Ведь то, что было, – не случайно,
И может быть, вернется вновь —

Настанет день, и ты проснешься,
Вдали услышав голос мой,
И ты, быть может, обернешься,
И как тогда, взмахнешь рукой —

Как лист летит куда-то в просинь,
Гонимый ветром в вышину,

Однажды нас обнимет осень
И уведет в свою страну —

Судьба опять тасует карты,
Что вынуть только ту, одну,
И прочь летят шелка и бархат —
Я руку осени тяну,

И мы на крыльях листопада
Летим сквозь то, что зримо всем,
Туда, откуда нет возврата,
Да и зачем он нам, зачем? —

Зачем свиданья быстротечны,
А ожиданье – на года?..
Пусть эта осень будет вечна,
И мы в ней – вместе навсегда!

Там хватит всем шелков и злата,
Что вниз волной летят с ветвей,
И все, что было прежде свято,
Пребудет в памяти моей —

Все эти краски, жесты, звуки
Восслав же, осень нам, и пой,
Соединяя наши руки
Под златотканую хупой,

Где вечно буду я любима,

Непокоренная судьбой, —
Ведь нет иной судьбы, помимо
Однажды выбранной тобой...

«...Дым взлетает и гонит золу...»

...Дым взлетает и гонит золу, —
Этих дней недописана повесть, —
Это совесть моя, словно поезд,
И зовет, и увозит во мглу,

А во мгле той застыли года, —
Дым Освенцима, пепел Едвабни,
Штетлов мертвых разбитые ставни,
Ночь, и Бабьего Яра гряда,

Где земля шевелилась от тел, —
Здесь – Натана, а там – Элиягу,
И меня вместе с ними к оврагу
В эту ночь будут гнать на расстрел,

Чтоб «удобрить жидами траву»,
Как велели, – «под самые корни»,
И охранник в эсесовской форме
Вновь потащит жидовку ко рву,

Чтобы выбрала место на дне
Той бездонной вселенской могилы...
...Только я ничего не забыла, —
Это время застыло во мне! —

Спи, Европа, раз можешь уснуть, —
Век тебе мы незваные гости,
И хрустят под колесами кости,
И везет меня поезд сквозь жуть,

Там, где кровь прорастала быльем
В эти страшные, черные дали...
...Я хочу, чтоб живущие знали
О народе сожженном моем,

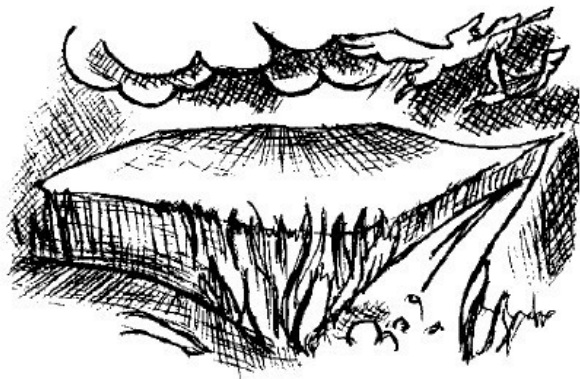
И воздали бы этому злу,
О которое время загнулось,
Чтоб оно никогда не вернулось!..
И везет меня поезд во мглу,

Мимо ныне забытой беды,
Где за дымом не виделось неба
Там, где пепел летел вместо снега,
Нелюдей засыпая следы, —

Миг! – и чья-то упала слеза
На могилу сожженного века, —
Катастрофы не смолкшее эхо,
Не пришедших назад голоса,

Что скрываются в вихре огня,
Значит, печи еще не остыли...
...И пока мы их здесь не забыли, —
Там они провожают меня,

И стою я, прижавшись к стеклу, —
Вот бы спрыгнуть на кромку перрона!...
...Но у памяти волчьи законы,
И везет меня поезд во мглу...

Размышления над учебником истории

... Не та ли ты святая простота,
Что чудом век жива и верит в чудо? —
Отчаянно крестящаяся всюду
Краина, на которой нет креста,

Где кружит и жирует воронье,
О совести забыв и Б-жьем слове,
Где снова, опьяневшее от крови,
Из нор поганых вылезло зверье;

Где нечисть вечно метит в главари
И властвует, — а ей того и надо,
Где снова из непрожитого ада
Вчерашние восстали упыри,

Надгробья разбросав и черепа,
И кинулись искать, — где плоть живая?..
И как всегда, скуля и подвывая,
За ними тут же ринулась толпа,

Круша все и сметая на пути,
Взвалив вчерашних идолов на плечи...
И был у них там спор, гремели речи, —
Какому вурдалаку их пасти?

И спорили до хрипа, до зари,
А доводы – все громче, все невзрачней...
...Но нету вурдалака вурдалачней
Того, что цепко держит изнутри, —

Что вывернет и душу, и мозги,
И как любой упырь, возжадет крови...
...И черный пастырь был назначен внове,
И новые назначены враги,

И приняли решение: пополам
Делить врагов для видимости вящей,
Признать свободу девкою гулящей
И требовать возврата к кандалам.

И вновь запылало в той стране
От ненависти черной и гремучей —
Совсем, видать, история не учит
Того, кто продал душу сатане,

Кто сеет смерть и ненависть кругом
И по нечеловеческим законам
Врагов всегда находит за кордоном
И вечно ищет нелюдя в другом...

**Из книги «Пена Эгейского моря»
Анжела Бецко. г. Нефтеюганск,
Ханты-Мансийский
автономный округ**

Об авторе:

Анжела Бецко родилась в Минске (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, в Нефтеюганске.

Ее стихи печатались на страницах литературных журналов «Наш современник», «Неман», «Наш Филиппок», журнала «ргоЛучшее», альманаха писателей Югры «Эринтур», коллективного литературного сборника «Письма из Зурбагана», сборников проекта «Библиотека современной поэзии».

Автор поэтических сборников «В центре круга» и «Яблоко» и книги прозаических миниатюр «Про одну девочку».

© Бецко А., 2015

1

Медея

На запад – по звездам – в морские закаты,
в ознобы рассветов, что сходят покато
в соленые дали средь вёсельных взмахов, —
на запад манящий Медея – на запах

любви и несчастья сквозь все симплегады,
сквозь сциллы, харибды, сквозь раи и ады,
сквозь песни сирен, сквозь пустыни безводье —
рабынею став, позабыв о свободе...

на запад – под жадной и жаркой луною
для всех чужестранкой – не мужней женою,
любимой, сладчайшей – в любовь чтоб и в душу! —
не в небо – а в пропасть! не в воздух – в удушье!..

на запад – на запах – в чужие широты —
плывущая из сквозняков – да в пустоты!..
о древняя кровь! о бесстрашная плоть!
как будто тот запах нельзя побороть...

2

Сивилла

Голос мой – грохотом жерновов,
стоном седых деревьев.
Не перечеть всех пещер, холмов:
имя мое – кочевье.

Горе пророчит корявый рот.
Глиной его забейте!
Вечное солнце со мной умрет:
имя мое – бессмертье.

Из непролазных своих трясин —
топи, болота, ила —
так завещаю вам: бог един.
Имя мое – Сивилла.

3

Колыбельная Ариадне

Спи, девочка. Уходят корабли.
И небосвод бесчувственен и черен.
Не до любви, видать, не до любви —
не до ее цветов, плодов и зерен.

Спи, милая. Чернеют паруса
в морском опустошающем проеме.
И никогда уже – глаза в глаза.
И никого – насущней и весомей.

Спи, Ариадна. Ночь глухой стеной —
и ни рожка небесного, ни ветра...
Тебе вовек не быть ему женой.
Сестра твоя женою станет – Федра!

Спи! И во сне его отыщешь дом.
Во сне всегда все просто, по нити...
... забудь того, кто был тобой ведом —
твоей живой, спасительною нитью...

4

Антиопа

Забуть изгиб спины упрямого коня,
что знали много лет мои тугие бедра,
секиру, стрелы, лук – все войны без меня! —
и, поступи лишась стремительной и твердой,
стать женщиной твоей, и кошкой, и цветком,
ловить тебя тайком в намеке, в блике, в звуке,
любить язык любви... особым языком
со мною говорят твои большие руки...
и бережно носить в себе дитя твое,
бояться одного: чтоб не осиротело...
из прошлого принять смертельное копьё
за то, что предпочла изгиб мужского тела...

5

Федра

*В мешок и в воду – подвиг доблестный!
Любить немножко – грех большой.*

Марина Цветаева

Вдох – один – не дышать чтоб более...
не любить, коль не мне позволено...
и не жить, чтоб не жить соблазнами...
расскажи: неужели разные?..
вдох – еще – слов таких не вымолвить...
у богов мне тебя не вымолить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.